

Услышав шаги, советник Линь повернулся. Бай Чухань уже подошел вплотную; советник поклонился ему и молча отступил. Когда эти двое — старший и младший соученики — сходились вместе, они так и норовили уколоть друг друга. Чтобы ненароком не оказаться безвинной жертвой в их словесной дуэли, лучше было держаться от греха подальше.

Линь Шоуюань и Сюэ Вэнь благоразумно отошли шага на три. Оттуда они наблюдали, как Бай Чухань, встав у самого плеча Цзян Умяня, совершенно естественно взял со стола один из исписанных листов. Цзян Умянь как раз вовремя отложил кисть и разложил бумаги, чтобы чернила быстрее просохли.

В уезде Шаоюань стояла удушливая влажная жара, отчего бумага постоянно отсыревала и со временем начинала неприятно пахнуть плесенью. Из-за поспешных сборов перед отправкой на юг запасов писчей бумаги они взяли немного; часть уже ушла на составление списков и новых учетных книг, а те жалкие крохи, что оставались, сейчас грудой лежали на столе.

Цзян Умянь одарил нагловатого соученика ледяным взглядом, надеясь образумить его, но тот и не подумал отступить — напротив, придвинулся еще ближе. Огромный письменный стол длиной в шесть чи — стой где хочешь! Зачем обязательно лезть в самую середину? Детский сад, честное слово.

Цзян Умянь мысленно ворчал от досады, но не сделал ни шагу назад, упрямо ведя эту безмолвную войну.

Бай Чухань лукаво прищурился и перевел многозначительный взгляд на притихшего соученика.

— Если число беженцев достигнет десятков тысяч, как господин уездный судья Цзян собирается их расселить? — повторил он свой вопрос.

Цзян Умянь отозвался ровным тоном:

— На первых порах уездная управа обеспечит их продовольствием и кровом, а порядок мы поддержим силой оружия. Со временем беженцы постепенно превратятся в обычных оседлых жителей.

— Как вы сами видите, — уверенно продолжил он, — первая экспериментальная группа уже задействована. Прежде чем хлынет основной поток, эти люди помогут нам выявить слабые места в плане и скорректировать его, чтобы уездная управа могла расселять последующие группы гораздо быстрее и эффективнее.

Его формулировки звучали немного непривычно для уха, но смысл был ясен всем: судья решил

использовать эти две сотни человек в качестве пробного шара для накопления опыта.

Советник Линь по-прежнему хмурился.

— Господин судья, в самом городе нет места, способного вместить тысячи людей, а разбивать лагерь прямо за стенами — затея довольно опасная.

— Вовсе нет, — Цзян Умянь раскрыл лежавшее под рукой «Великое учение», достал оттуда лист бумаги и разложил его перед присутствующими. — Я набросал это на досуге за тот месяц с лишним, что нахожусь в уезде. Проект пока сырой, так что для начала обсудим его основы.

Бай Чухань первым заглянул в бумагу. Это была не печатная страница, а лист, исписанный четким, летящим почерком Цзян Умяня. Заголовок гласил: «План по размещению и обустройству беженцев в уезде Шаоюань. Начальная версия».

Если само название еще казалось понятным, то содержание выглядело крайне причудливо. На бумаге пестрели диковинные понятия: «разделение на бригады», «подрядные строительные отряды», «оценка эффективности» и «количественные показатели контроля».

Бай Чухань потер переносицу с довольно странным выражением лица.

«Какое учение этот его шиди штудировал день и ночь, раз набрался таких зубодробительных словечек?»

На других листах виднелись иные заголовки: «План первоначального строительства», «Набросок расширения городской черты (с изменениями)», «Кампания по ликвидации безграмотности», «План привлечения талантов», «Меры по наполнению казны и оживлению экономики». От одного взгляда на это разнообразие присутствующие дружно лишились дара речи.

Выждав, пока все ознакомятся с записями, Цзян Умянь указал на один из пунктов и начал объяснять, попутно набрасывая на полях схему:

— Беженцы — публика разношерстная. Но на первом этапе пребывания в Шаоюане у них будет лишь один статус — разнорабочие.

Выведя кистью два иероглифа «рабочие», он провел от них вниз несколько ровных линий к аккуратным квадратам.

— Все рабочие делятся на десятки, которые распределяются по разным строительным отрядам. График работы — десять дней труда и один день отдыха, выходные распределяются посменно. Также будет назначено несколько надзирателей. Перед началом смены каждая бригада обязана отметиться у своего надзирателя: если на месте все — ставится красная

печать, если кого-то не хватает — черная. Если кто-то уходит посреди дня, это фиксируется в журнале, а по окончании работ надзиратель ставит финальный штамп. Кроме того, в каждой бригаде выбирается староста. Он отвечает за внутренний порядок и координирует задачи, полученные от уездной управы. Должность эта выборная и не закреплена за кем-то навечно: за малейшее нарушение правил староста немедленно лишается своего поста.

Благодаря наглядным схемам объяснения вышли предельно понятными. Сами названия резали слух, но если вдуматься, примерно так же управляли слугами в богатых усадьбах. Кое-какие детали разнились, но суть оставалась прежней.

Цзян Умянь взял следующий лист, озаглавленный «Загородный лагерь».

— Территория лагеря будет строго разделена по строительным отрядам. Если хотя бы один человек затеет драку или нарушит порядок, наказание понесет вся бригада. Оценка эффективности проводится по тому же принципу. Бригады должны соперничать друг с другом, а внутри каждого отряда люди обязаны помогать товарищам и одновременно приглядывать за ними.

Здоровое соперничество между строительными отрядами должно было сгладить конфликты и укрепить порядок в лагере, а также подстегнуть производительность и общую эффективность труда.

— Правила проживания в лагере, наказания за беспорядки, поощрения для передовых отрядов, расчет объемов выполненных работ и оплаты, вопрос снабжения инструментами — будут ли рабочие приносить свои или получать их от управы, классификация строительных бригад... Все эти тонкости нам еще предстоит детально проработать.

Проект был еще далек от завершения, и до его претворения в жизнь оставалось немало шагов. Однако каркас уже стоял, теперь требовалось лишь заполнить пустоты деталями.

Генерал Сюэ Вэнь отвечал за тыловое обеспечение и в вопросах обустройства лагерей не имел равных. Во время северного похода Бай Чуханя он умудрялся без сучка и задоринки снабжать сотысячное войско, но сейчас от обилия инструкций у него буквально пошла кругом голова.

Дело было не в том, что он чего-то не понимал. Просто правила казались чересчур заумными. На войне обстановка меняется ежеминутно, возможности улечиваются в мгновение ока, поэтому во главе угла всегда стоит гибкость. Если расписывать обязанности для каждого человека и отряда, как предлагает Цзян Умянь, сколько времени уйдет на одну подготовку? Воевать-то когда?

Он не удержался и со вздохом покачал головой:

— Требования слишком высоки. Простые крестьяне, испокон веков ковырявшиеся в земле, глупы и темны. Они не поймут таких затейливых правил. Согласно вашему плану, беженцы

должны сами обустроить лагерь по прибытии. Но они в глаза не видели походных шатров! Они знать не знают, как натягивать веревки и крепить колышки. О каком ровном и опрятном лагере может идти речь?

Сюэ Вэнь мысленно вздохнул. Цзян Умянь на вид казался человеком степенным и не по годам мудрым, но на деле все еще был слишком молод и оторван от суровой реальности.

Экзамены проверяют изящный слог, каллиграфию, знание законов, математику и трактаты об управлении государством. Но на практике все это остается сухой теорией. Звучит гладко, а начнешь применять — кругом одни прорехи.

К тому же Цзян Умянь не проходил стажировку в шести министерствах, а сразу был отправлен в глушь управлять уездом. Предыдущий же судья оказался отъявленным взяточником, так что перенять полезный опыт новому главе округа было просто не у кого.

И все же сама попытка составить подобный план ставила его на голову выше большинства чинуш, которые только и умели, что набивать брюхо за казенный счет.

Закончив мысленный монолог, он поднял глаза и обнаружил, что все трое смотрят на него с весьма странными минами.

Сюэ Вэнь опешил.

«Что опять не так? Я снова ляпнул глупость?»

— Совершенно верно, — кивнул Цзян Умянь. — Именно поэтому на плечи Чжан Жуна ложится огромная ответственность. Он должен будет разжевать им каждую мелочь: как натянуть каждую веревку, как расчистить каждый клочок земли, дать четкие указания каждому человеку. Буквально вдолбить им в головы, что нужно делать. За хорошую работу поощрять, за проступки — карать. Когда беженцы поймут, что эти правила приносят им прямую выгоду, они сами станут их защищать. И любой, кто попытается нарушить установленный порядок, мгновенно превратится во врага для всех остальных беженцев.

В этих спокойных словах сквозила пугающая глубина. Сюэ Вэнь почувствовал, как по его спине пробежал ледяной холодок.

Он перевел взгляд на стоящих у стола соучеников и заметил, что оба они, опустив глаза, едва заметно улыбаются. В этот миг в их манерах проступило поразительное сходство.

Он вдруг вспомнил, почему Цзян Умянь, будучи лучшим выпускником — чжуаньюанем, — так и не прошел положенную практику в министерствах, а сразу очутился в этой глуши.

Три года назад Цзян Умянь с триумфом вернулся на родину в звании первого лауреата

императорских экзаменов, но вскоре у него умерла мать. По законам Великой Чжоу он был обязан соблюдать трехлетний траур и не имел права покидать родные места ради службы.

Пока он жил затворником в родных краях, оплакивая мать, при дворе разгорелась жестокая междоусобица между кланами Хань Чжаохуна и Се Цинши.

В яростной борьбе за кресло Старшего великого секретаря обе стороны не гнушались ничем: оговоры, тайные отравления, подтасовка улик... Средства шли любые.

Противостояние завершилось два года назад. Клан Хань одержал полную победу, вымостив себе дорогу к триумфу костями и кровью соперников, и Хань Чжаохун занял пост Старшего великого секретаря. Клан Се с треском проиграл и был изгнан со службы.

Достопочтенный учитель Цзян Умянь принадлежал к проигравшему клану Се и тоже попал под удар. Лишь благодаря тому, что его старший ученик, Бай Чухань, командовал целой армией, наставника не лишили чинов окончательно, однако сослали на глухую окраину империи, подальше от императорского дворца.

Если вдуматься, разве борьба двух придворных кланов отличалась от того порядка, который Цзян Умянь собирался навязать беженцам?

Осознав, в какие дебри завели его мысли, Сюэ Вэнь невольно вздрогнул.

Он еще раз взглянул на стоящих бок о бок соучеников. Ощущение их сходства уже рассеялось, но оставило глубокий след в его душе.

Прежде он полагал, что Цзян Умянь — обычный книжный червь, сильный лишь в зубрежке, которому в делах управления уездом и тонкостях чиновничьих интриг непременно понадобятся подсказки старших.

Но теперь было ясно: этот парень не зря приходился младшим соучеником самому Баю. Ума и хватки ему было не занимать, не хватало лишь подходящего случая.

И этот случай представился ему прямо сейчас.

Как только беженцы в уезде Шаоюань будут устроены, слава о молодом судье разлетится повсюду. Завоевав преданность народа и заручившись связями Бай Чуханя, он по истечении трехлетнего срока службы без труда добьется перевода в благодатные и богатые края Цзяннани.

Если бы Цзян Умянь узнал, о чем сейчас думает генерал, он бы самолично уподобился грозному духу-хранителю у ворот и запер перед Сюэ Вэнем двери города.

Все, что так или иначе касалось Бай Чуханя, оборачивалось сплошной головной болью. Позволить ему вмешаться в продвижение по службе — это не способ устроиться потеплее, а верный шанс превратить себя в отличную мишень для столичных врагов.

К тому же со стороны казалось, что отношения между ними хуже некуда. Любая их беседа пестрела язвительными шпильками, от которых порой доставалось и случайным свидетелям.

Со временем все, кому было известно об их ученическом родстве, уверились, что соученики терпеть друг друга не могут.

Сами они эти слухи не опровергали, словно молча соглашаясь.

На самом деле за долгие годы совместной учебы они просто привыкли постоянно препираться. Для них это было в порядке вещей, и никто из них не видел в таком общении ничего дурного.

А когда тучи над империей сгустились и ситуация резко ухудшилась, тратить время на объяснения и вовсе стало бессмысленно.

Чистые листы на столе Цзян Умяня быстро таяли, список правил и инструкций стремительно рос. Чжан Жун, едва вернувшись в управу, успел лишь наспех проглотить обед, после чего его вместе с остальными советниками тут же припахали к обсуждению новых деталей.

Линь Шоуюань, на которого временно возложили обязанности главы Налоговой палаты, едва закончил с переписью населения, как перед ним встала новая задача. Ему предстояло обойти уезд, чтобы измерить все пашни, вернуть казне заброшенные угодья, уточнить границы частных владений и составить новый «Реестр рыбьей чешуи».

Цзян Цю до сих пор возился с имуществом, конфискованным у казенного взяточника. Каждую вещь требовалось внести в опись, решив, что отойдет казне, а что поступит на баланс управы. Расходы на содержание армии карателей и обустройство беженцев полностью покрывались из этих средств, поэтому советник вместе с приставленным к нему грамотным писарем трудились не покладая рук.

Чжан Жун в сопровождении двух стражников целый день мотался по уезду. С грехом пополам ему удалось удержать ситуацию под контролем, но ведь эти две сотни человек были лишь разминкой перед основным потоком беженцев, которые уже спешили в уезд, прослышав о раздаче еды.

Чжан Жун молча потер виски.

Устало проведя ладонью по лицу, он со вздохом произнес:

— Господин судья, мне нужны люди.

С двумя сотнями беженцев говорить было невыносимо тяжело из-за разницы в диалектах. Каждую фразу приходилось повторять по пять раз, а правила вдабливать по десять.

За весь день они толком даже не успели разобрать завалы, зато сам Чжан Жун окончательно сорвал голос.

Стражников, способных переводить и объяснять приказы, катастрофически не хватало. Порядок держался исключительно на грозном виде солдат регулярной армии.

Но привлекать военных можно было лишь временно, уезду требовались собственные преданные служащие.

Где взять людей?

Неужто господин судья должен сотворить их из воздуха?

Цзян Умянь с каменным лицом принялся кормить советника обещаниями:

— Потерпи еще несколько дней. Как только придут новые рекруты, ты первым делом отберешь себе помощников.

Чжан Жун прекрасно понимал, что это лишь сладкие посулы, но деваться было некуда. На весь уезд приходилось всего пять стражников, которых распределили между четырьмя советниками, да и сам судья трудился на износ, лично вникая во все дела.

В Великой Чжоу жалование уездных стражников напрямую зависело от налоговых сборов округа.

Они относились к числу младших внештатных служащих, которых не назначал императорский двор. Их нанимала местная управа из числа местных жителей, и жалование выплачивалось из местного бюджета.

Если налоги собирались из рук вон плохо, то и плата была курам на смех.

Однако сейчас управа уезда Шаоюань не испытывала недостатка в деньгах и зерне. Почему же никто не спешил наниматься на службу?

Советник Чжао Чэн задумчиво хмыкнул.

— Кажется, я знаю, в чем дело, господин судья, — подал он голос.

<http://bllate.org/book/19045/1916460>